

Леонтьев Константин Николаевич

В своем краю

Роман в 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
В своем краю: Роман в 2 частях / Леонтьев Константин Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 291 с.

ISBN 978-5-519-93177-9

ISBN 978-5-519-93177-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

«Чего только не переносить человѣкъ! Чего не терпитъ онъ въ жизни—болѣзни, обиды, сомнѣнья, нужду, обманы! И когда бы отъ этого была польза кому нибудь; а то никому: и другой страдаетъ, и третій! — Всѣ мы другъ друга давимъ и гонимъ, тѣснимъ, боремся изъ-за хлѣба и крыши!... Вотъ я теперь врачъ: имѣю право рѣшать участь семействъ; могу спасать людей; могу имѣть чины; лѣтъ черезъ 20 уже буду не бѣдный мѣщанинъ Рудневъ, незаконный сынъ плохаго барина и мужички, а докторъ Рудневъ—генералъ отъ медицины!»

«Славное дѣло. быть докторомъ! Бывало, самъ занеможешь, еще ученикомъ; войдетъ плотный, рябой лекарь, руки бѣлыя, большія; едва дотронется, едва посмотреть, а Рудневу уже легче, и отъ радости душа заноситъ; вотъ такъ и у другихъ будетъ ныть душа, когда онъ войдетъ.

«Но остаться здѣсь, въ Москвѣ; ждать-ждать, работать и не видѣть, не чувствовать своей работы въ кучѣ другихъ алчныхъ работниковъ! Не лучше ли производить меньше, да на своемъ станкѣ, чѣмъ быть фабричнымъ по указанію?»

Рудневъ глядѣлъ на свою жалкую комнату: въ воздухѣ пахло сосѣдней кухней; сальная свѣча догорала въ черепкѣ; диванъ, прорванный до того, что одинъ товарищъ принялъ паклю, которая изъ него вылѣзла, за собаку и отскочилъ отъ нее; окурки и соръ на полу; на самомъ — старый и грязный халатъ...

Не лучше ли въ глуши? Въ глуши, ему казалось, легче сохранить драгоценную теплоту своихъ помысловъ—единственное благо, въ которое онъ вѣрилъ.

Стрѣлой промчались первые годы его жизни, и уже сколько горя, сколько мелкихъ, но для него тяжелыхъ испытаній!

Картины прошлаго? Но гдѣ онѣ, эти милыя картины? Отца онъ вовсе не помнилъ, и слава-богу! Мать помнилъ только въ

самомъ первомъ дѣтствѣ. И хорошо было это первое дѣтство! Развѣ онъ не помнилъ самъ немного, и развѣ не рассказывалъ ему кой-кто, какой онъ былъ дикій, слабый, боязливый и сердитый мальчикъ? Коровъ и собакъ боялся, спать около бѣлой печки боялся, гостей боялся. Другія дѣти, красныя, толстыя, шумятъ, играютъ, воюютъ, игры, драки затѣваютъ; а онъ блѣденъ и одинокъ, какъ церковная свѣчка въ уголку!

— Недотыка! Недотрога! зовутъ его дѣти; поги ему подставляютъ; покажутъ ему издали пушокъ или палецъ: онъ, уже кричить и плачетъ.

— Какой несносный! говорятъ уѣздные, отцовскіе родные.

— Вася, вотъ тебѣ новый стуликъ; у тѣтиныхъ дѣтей у всѣхъ есть стулики, вотъ и тебѣ...

Вася радъ; сѣлъ на стуликъ и отъ радости ни слова!

— Что жъ ты тѣтю не благодаришь, свинья какая! говоритъ одна старушка.

— Эхъ, матушка, отвѣчаетъ другая:—еще благодарности отъ этого хамья ждать. На то и мать его мужичка; вѣдь отецъ-то его, тѣмъ что женился передъ смертью на ней, благородства не придалъ!...

Выросъ дитя стройнымъ, хоть и нерослымъ отрокомъ; а все блѣденъ какъ воскъ и нѣженъ какъ дѣвушка, и глаза печальные. Кто, имѣя душу, видѣлъ его разъ, тотъ не забывалъ его лица, его бровей, какъ нарочно потемнѣе и поотчетливѣе начерченныхъ; его темныхъ волосъ, которые сами поднимались хохолкомъ надъ выпуклымъ лбомъ.

Вотъ онъ уже прилежный ученикъ; тетради его какъ бисеромъ нанизаны; съ золотой доски не сходить; отъ всякой шалости подальше; въ свободное время вырѣзываетъ и скоблитъ линейки, тетради шьетъ, рисуетъ, карты чертитъ. Тетради свои онъ не даетъ всякому, а кому и даетъ, всегда скажетъ: «я ничего не прошу для себя и вы меня оставьте!»

Иной товарищъ схватитъ тетрадь, да ему въ шею или по щекѣ!

Нерѣдко онъ возбуждалъ зависть и злость товарищей тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали учителя. Учитель математики, который всѣмъ говорилъ «ты» и «оселъ» или кричалъ: «ступай, оселъ, ступай; что ты начертилъ, вмѣсто барометра, соху какую-то; ступай къ отцу въ деревню пахать!»—этотъ учитель звалъ Руднева «вы» и «г. Рудневъ», хотя по закону Вася

былъ менѣе чѣмъ ктонибудь «господинъ»; уже заранѣе кивалъ головою и закрывалъ отъ радости глаза, когда фаворитъ его выходилъ и начиналъ: «два параллелипипеда равныхъ основаніемъ и равной высоты». И никогда не скажетъ, какъ другіе съ грубой поспѣшностью, какой-то «пирипипидъ», а такъ чисто и твердо: — «параллелипипедъ!»

За то, при случаѣ, товарищи и не щадили его и прозвища ему другаго не было, какъ то бранное имя, которое напоминало ему его незаконное рожденіе, страданія его матери, его податное состояніе. И если гнѣвъ и отчаяніе заставляли его изрѣдка измѣнять своимъ тихимъ привычкамъ, онъ кидался на силачей и съ невыразимой смѣлостью шелъ на побои и терзанья... Его душили, топтали, драли за волосы до того, что для два гребенкой было больно тронуть.

Копчилось это, сталъ онъ студентомъ; отдохнулъ бы! Но тутъ онъ въ первый разъ узналъ настоящую нужду, сталъ часто болѣть, едва успѣвалъ управляться съ непривычными занятіями. На воображеніе его раздирающимъ образомъ дѣйствовали трупы синіе, зеленые, худые, раздутые водой, удавленники, замерзшія пьяныя женщины, одинокіе старички и старушки, которыхъ никто не требовалъ для похоронъ и которыхъ терзали на куски для студентовъ... Онъ долженъ былъ прожить цѣлый годъ въ борьбѣ съ самимъ собою, чтобы привыкнуть къ постоянному созерцанію смерти во всѣхъ ея самыхъ грязныхъ, самыхъ скучныхъ видахъ; прожить года три въ мучительномъ полубезвѣріи; томиться то страхомъ небеснаго наказанія, то стыдомъ отъ своего малодушія и боязни; сносить всю тоску мнительности больного и непривычнаго къ научнымъ тайнамъ чловѣка, который начинаетъ вездѣ видѣть ядъ и смерть вокругъ себя — и въ воздухѣ неудобнаго жилья и въ заразительномъ воздухѣ больницъ, и въ дешевой, кой-какъ приготовленной, пищѣ, и въ сидячихъ трудахъ, и въ оттепели, и въ морозѣ, и въ зною, и въ дождѣ... Нѣтъ, Боже, Боже мой! это уже слишкомъ много для одного!

Отъ товарищей онъ бѣжалъ—что ему въ нихъ? Одни—веселые ремесленники; другіе—люди свѣтскіе; третьи—такіе же жалкіе, какимъ онъ самъ себя казался; иные глупы, иные молодцы, но безстыдны, кощунствуютъ и издѣваются надъ трупами.

Когда кто нибудь изъ нихъ звалъ его въ театръ, онъ гово-

рилъ: «Въ театрѣ? Для чего? Чтобы увидать тамъ краски, горы, море, прекрасные глаза—слышать музыку, вернуться домой и сказать себѣ: «это только театр!»

Однако, у Руднева былъ одинъ вѣрный другъ — дядя, и не родной братъ отцу, а двоюродный; близкіе родные все отняли у него, что послѣ отца осталось; а этотъ дядя жалѣлъ его еще тогда, когда онъ былъ у матери на рукахъ, и съ матерью былъ друженъ; студентомъ Рудневъ каждое лѣто ѣздилъ въ его деревушку. Въ деревнѣ этой было всего тридцать-пять душъ и видъ ея вблизи былъ, конечно, слишкомъ бѣденъ и невеселъ; домъ дяди—просторная, старая изба; садъ — двѣ десятины; дватри сарая; изломанная повозка на дворѣ... Но, если Рудневъ мало помнилъ веселаго, за то помнилъ много покойнаго и трогательнаго, и все, что онъ помнилъ покойнаго и трогательнаго, было въ деревнѣ у дяди—прудокъ, въ которомъ они уживали рыбу съ матерью, огни деревенскіе, березникъ рѣдкій и печальный надъ страшной рытвиной, промытой къ Пьянѣ весенними ручьями, луга передъ сонной Пьяной, на которой лѣтомъ разцвѣтають бѣлыя и желтыя водяныя лиліи; доброе, розовое, почти дѣвичье лицо матери; станъ ея, слишкомъ рано растолстѣвшій отъ сидячей жизни и вдовьяго отдыха; игра любимыхъ его коклюшекъ въ нѣмой и ослѣпительный зимній полдень; ласковый голосъ этой матери въ шутиливую минуточку: «Васюта! Притвори-ка дверь, а то маленько-вѣтрененько!» и голосъ умирающей: «Вася, мой Вася! пожила бы я еще съ тобой, ангелъ мой!»

Тамъ и дядя, и старый Гаврило — лѣтомъ огородникъ, зимой столяръ и плотникъ—одинъ весь отъ рожденія на бекрень, другой крючкомъ отъ старости—разсказывали ему про мать то раздирающія, то теплыя дѣла.

— Родился ты въ городѣ, въ самое крещенье, говорилъ дядя. — Что за страданье было! Покойный братъ сидитъ въ столовой и рыдаетъ какъ баба, усачь-то эдакой! «Я погубилъ ее, я погубилъ ее, окалнный я грѣшникъ! Іоаннъ-Креститель — угодникъ ты божій! Ты главу свою положилъ еси за ны! Погуби въ этотъ святой день твой и мою главу, стараго грѣшника; да сохрани, угодниче, душу сироты невинной, сироты безгрѣшной! Я, говоритъ, соблазнилъ ее: я — грѣшникъ поганый. Во всемъ-то я грѣшенъ, какъ посмотрю—и въ прелюбодѣянніи, и въ гнѣвѣ, и въ любостыжаніи, и въ гордости грѣшенъ!» А

народъ съ іордани валомъ-валить мимо оконъ и слышитъ, какъ она стонетъ: «Вотъ, говорятъ, душегубъ Рудневъ: кого-нибудь изъ своихъ деретъ!» Я подошелъ, взялъ его за руку и говорю: «Успокойтесь, братецъ, не гнѣвите Всевышняго. Онъ даде—онъ и отниметъ... Онъ даде—онъ и отниметъ!»—«Братецъ! говоритъ онъ : — за что же ея душа смертный грѣхъ на себя взяла?» — «Очистится, братецъ, я говорю:—очистится. Я послалъ уже за отцомъ Дмитріемъ; онъ прямо съ іордани сюда». И представъ себѣ, Вася, едва перешагнувъ порогъ отъ Дмитрій, такъ она и разрѣшилась благополучно. Такъ братъ вбѣжалъ къ ней, упалъ около кровати на колѣни и ну, молча, земные поклоны класть, и ну, поклоны класть, и ну, земные поклоны класть!...

Да! Старый отецъ любилъ молодую мать! Но какъ? Хотя она и звала его своимъ благодѣтелемъ, хоть и рыдала навзрыдъ по нѣскольку разъ въ годъ надъ его могилой; но не сама ли разъ она, не остерегшись дѣтской внимательности, сказала при немъ дядѣ: «Какъ не болѣть мнѣ, родной, какъ не болѣть — вѣдь на мнѣ развѣ печка только не была!»

И Гаврило тоже — онъ помнить, самъ на корточкахъ сѣть въ грядку у задняго крыльца жалкіе ноготки и бархатки, которыми пренебрегаетъ всякій хорошій садовникъ—сѣть эти, никому ненужные цвѣты, какъ нарочно, чтобы еще больше разжалобить отрока-страдальца и ворчить, и ворчить...

— Маменька ваша! Маменьку вашу всѣ мы помнить будемъ... Чего только она и за себя, и за народъ ни приняла на свою голову! Хмѣльной изъ города пріѣдетъ, она норовитъ первая выйти, пусть на ней злость сорветъ. Билъ онъ ее, билъ! Подъ диванъ разъ ногами засовалъ. Самый послѣдній Иродъ-проклятый, мужикъ сельскій, пастухъ деревенскій, и тотъ свою дуру-бабу, кичку рогатую, больше жалѣетъ, чѣмъ вашъ батюшка вашу матушку жалѣлъ, когда хмѣлень бывалъ. А она, сердечная, ни гу-гу! Вотъ послѣ его смерти, царство ей небесное, на волю меня отпустила, да развѣ я пойду куда отсюда? Ни за какіе миллионы и отъ живой бы не ушелъ, и отъ могилы ея не уйду! Развѣ она мало насъ всѣхъ жалѣла? Никто браннаго слова отъ нея не слыжалъ! Вотъ развѣ дѣвчонки? Такъ вѣдь вошкарицъ этихъ если не бранить, такъ что же это будетъ? Разъ, ужъ вдовья была, здѣсь жили, уѣхали въ Саровъ на трое сутокъ Богу молиться и приказала Матрешкѣ, да покойницѣ

Ольгушкѣ: «Ночуйте — одна у меня въ комнатѣ, а другая у Владиміра Алексѣича, чтобы клопы не оголодали». А онѣ, дуры, побоялись врозь почевать, да обѣ вмѣстѣ съ кухнѣ и спали. Приѣхали господа; клопы оголодали, да всю ночь спать имъ съ дороги не дали. Такъ еще бы и за это вошкарицу не бранить. Я и тогда сказалъ: «Дайте-ка, матушка, я ихъ крапивою пострекаю сзади-то; у нихъ шкура больно нѣжна стала!» — Развѣ онѣ клоповъ боялись? Да вѣдь она дѣвчонка-то спитъ какъ бревно! Развѣ ее клопъ пройметъ? Въ кухнѣ имъ прусаки всѣ руки поизѣбли, а все сопѣли, всю ночь сопѣли! Однако, маменька ваша не приказали крапивою сѣчь, а только дурами ихъ назвали, да посмѣялись.

Все это онѣ слышалъ въ Деревягинѣ; и если само Деревягино было жалко и сухо, то вся окрестная сторона, напротивъ того, оживлялась лѣсами и рощами, множествомъ селъ, усадьбъ и простыхъ деревень; народъ въ ихъ краю былъ парадный, сытый и красивый; куда ни оглянись, вездѣ бѣлѣлись церкви изъ-за зелени; сколько разныхъ помѣщиковъ жило въ ихъ сторонѣ! Рудневу до нихъ самихъ не было дѣла; но пріятно невидимкой чуютъ жизнь неподалеку отъ себя... и самое Деревягино выигрывало отъ такихъ окрестностей. Все знакомы имена!... (и даже дорогія, пока Рудневъ не существуетъ для ихъ обитателей)... Въ четырехъ верстахъ отъ нихъ пышноз Троицкое, на самомъ берегу Пьяны: боръ большой; домъ большой, кирпичный съ бѣлыми украшеніями, съ маркизами и террасами, ковры цвѣтниковъ сбѣгаютъ къ рѣкѣ изъ парка; фонтаны бьютъ все лѣто; по холмамъ шире другаго уѣзднаго города раскинулись избы; сколько новыхъ срубовъ! Сколько картинныхъ уголковъ! Здѣсь живетъ уже лѣтъ десять г-жа Новосильская съ тремя дѣтьми, и дядя часто бываетъ у нея; и хотя самъ Рудневъ, конечно, не поѣдетъ къ ней въ домъ, по за церковной оградой Троицкаго стоитъ простая деревянная рѣшотка надъ его матерью, которую онѣ такъ любилъ, что до сихъ поръ весь содрогался, встрѣчая вдругъ на улицѣ слишкомъ полную и румяную молодую женщину. Въ кустахъ Троицкаго онѣ часто охотился прежде съ дядей въ нахлопку и съ борзыми, и навсегда привязался къ охотѣ. За Троицкимъ, верстахъ въ 12-ти, скромное и чистое Курѣево, гдѣ живетъ всѣмъ извѣстный въ ихъ сторонѣ человекъ — предводитель Лихачовъ, получая отъ дворянъ большой окладъ за свою службу. Въ Курѣевѣ — большой осинникъ и два

дикіе флигеля съ красными крышами другъ противъ друга; на-лѣво — предводитель, а направо его младшій братъ — статный молодець въ поддѣвкѣ съ надменнымъ выраженіемъ лица. Дальше боръ большой; а за боромъ въ Чемодановѣ большой домъ г-жи Забѣлиной, грозной старухи, вдовы трехъ мужей. На столбовой дорогѣ — щегольское, новое жилище красавицы и губернской щеголихи — Протопоповой... Избави Боже отъ знакомства съ ними! Но знакомство съ картинами ихъ деревень уже не вырвать изъ сердца!

Туда, къ доброму дядѣ, поѣдетъ онъ теперь и всѣ лучшія мѣста при столичныхъ больницахъ не соблазнятъ его! Теперь онъ жаждетъ только одного: отдохнуть на чистомъ воздухѣ и привести въ порядокъ свои мысли; а тамъ, пускай придетъ и смерть въ своемъ углу, какъ смерть дерева въ лѣсу, правильно и привольно погибшаго отъ старости!

II.

«Какъ сильно пахнетъ свѣжимъ тесомъ въ этой новой пристройкѣ! Что за воздухъ вездѣ — и въ пристойкѣ, и въ саду, и въ лугахъ, и надъ рѣкой и на мирномъ и таинственномъ гумнѣ за овиномъ! — Какъ мало нужно человѣку, чтобы прожить вѣкъ въ неспѣшномъ трудѣ и пламенномъ и торжественномъ молчаніи. — Гдѣ смрадные трупы, гдѣ ужасная квартира, измученный студентъ? — Куда исчезло все это?»

Здѣсь хоть и тѣсно, но все удобно и свѣжо.—Его пристройка на углу; два окна въ огородъ, а третье съ видомъ на Пьяну. Своей рукой, распѣвая пѣсни, прибилъ онъ простыя полки къ стѣнѣ; растрепанныя книги его пока въ порядкѣ и самъ онъ едва-ли когда подходитъ къ нимъ; взглянулъ съ уваженіемъ издали и отвернулся къ окну. Для будущихъ бѣдныхъ больныхъ уже готовъ шкафчикъ съ пустыми коробками и банками; у окна столъ для аптечной работы. — И посмотрите, здѣсь все можно найти! Все необходимое, простое здѣсь доступно человѣку.— Вотъ, вмѣсто сифона—пузырь съ деревянной трубочкой домашней работы; нашлась гдѣ-то лейка и большая фарфоровая чашка безъ ручки вмѣсто ступки, и настоящая мѣдная ступка. Дядя долго рылся въ вещахъ покойной матери, отыскалъ тамъ кости

ную ложечку и маленькую терку и сказалъ: «Это для корешковъ.— Не знаю, какъ по вашей наукѣ, а я полагаю, что ископаемое царство вреднѣ травъ.—Я думаю такъ: гдѣ находится болѣзнь, тамъ и трава растетъ нужная. Вотъ по Пьянѣ лихорадочки живутъ, а по межникамъ полыни множество и трифоль въ болотцахъ. У мужика натура крѣпкая, и простымъ пособишь!»

Вѣсы и разновѣсы подарилъ ему уѣздный аптекаръ, чтобы не забывалъ его, когда войдетъ въ силу. Сломало вѣтромъ сукъ у яблони; дядя погоревалъ, а столяръ отрубилъ отъ сука кусокъ, выточилъ змейку, покрылъ лакомъ, раскрытую пасть выкрасилъ красной краской, глаза сдѣлалъ, укрѣпилъ ее хвостомъ на пьедесталѣ, вдѣлъ въ ротъ вѣсы и сюрпризомъ поставилъ на аптечный столъ. И вѣшать ловче, и красиво, и случайная эмблема Эскулапа, и дружба столяра! Во всемъ этомъ слышалъ Рудневъ живую душу, всѣ эти мелочи принимали сами собою, безъ всякаго усилія мечтательныхъ мыслей, въ благодарномъ сердцѣ, огромные размѣры... Какое чистое пламя любви и человѣчности загоралось въ отдыхающей душѣ!

Ужъ скоро два мѣсяца живетъ онъ такъ и думаетъ. Дядя не мѣшаетъ ему.—Дядя самъ всегда скромно жилъ и скромно живетъ до сихъ поръ; молодости онъ не зналъ, за то и старость въ немъ незамѣтна. А какой онъ маленькій, слабый, кривобокий! Самъ сознается, что товарищи въ дѣтствѣ его дразнили: «фикъ-фокъ на кривъ-бокъ!» А онъ нисколько и не горюетъ объ этомъ. Горевалъ ли прежде—кто знаетъ! Вѣрно, не очень сильно.—Самый вздохъ, съ которымъ онъ, опускаясь сейчасъ на скамью задняго крыльца, раскрылъ свою любимую книгу—развѣ это вздохъ настоящаго страдальца? Нѣтъ! настоящему страдальцу впопыхахъ и вздохнуть нѣтъ времени; настоящій страдалецъ—тотъ, чье достоинство рушится въ прахъ въ озлобленной, сухой и суетной борьбѣ! Крикъ тому наединѣ съ самимъ собою, скрежетъ зубами, а не вздохъ съ раздумьемъ и глубиной! Посмотрите на дядю—торопился ли онъ когда? Посмотрите, какой онъ удобный, опрятный, смирный. Едва всталъ, сейчасъ помылся, выбрился и пригладился: хохолокъ фамильный, Рудневскій, квартиру—это значить достоинство; виски впередъ—означаетъ любезность; сюртукъ коричневый надѣлъ, въ зеркало старинное посмотрѣлся и лицо не стало грустнѣе отъ того, что «фикъ-фокъ на кривъ-бокъ!» Ничуть ни бывало! Еще ободрился, какъ уви-

дѣлъ себя; ободрился, взявъ трубку и вышелъ къ старостѣ и затвердили одно и то же на цѣлый часъ.

«— А что, Тимофей, сѣно выкосили?»—«Выкосили».—«Выкосили-не-выкосили...» — «Дастъ Богъ погодушку, не дастъ Богъ погодушки...»—«Не любить мокроты сѣно!»—«Бѣда какъ не любить сѣно мокроты.» Точно, это—новость какая для нихъ.—И тутъ не спѣшатъ; между каждымъ вопросомъ и отвѣтомъ помалчиваютъ и подозрительно глядятъ другъ на друга; староста какъ бы невинно бороду выставилъ впередъ: «на, вотъ—я весь тутъ чистъ и святъ передъ тобой!» А дядя курить трубку.

Уйдетъ староста; дядя по биркамъ считаетъ, или на работы смотрѣть пойдетъ; или табакъ самъ себѣ растираетъ, или сидеть читать.

— Дядя! что это вы читаете—«Памятникъ Вѣры» или «Театръ свѣта?»

— «Памятникъ Вѣры» читаю.

— Вѣдь онъ на четныхъ страницахъ «Памятникъ Вѣры» и на нечетныхъ—«Дневникъ Россійскихъ достопамятностей».—Такъ вы гдѣ?

— «Памятникъ Вѣры» читаю.

— О комъ?

— Преподобнаго отца нашего Мартиніана.

— Почитайте-ко громко — я послушаю. Чтò онъ дѣлалъ, Мартиніанъ. Посмотримъ.

«Святый Мартиніанъ съ осьмнадцати лѣтъ водворился въ пустынь близъ города Кесаріи Палестинскія.—Во всемъ городѣ чудились пустынноческому житію молодого и прекраснаго юноши. Одна прелестница потщеславилась передъ мерзкими подругами своими, что она искутитъ и преодолѣетъ его воздержность. Съ симъ дьявольскимъ намѣреніемъ, въ одинъ дождливый вечеръ прибѣжала къ пещерѣ въ рублищѣ, но съ узломъ наряднаго платья, и жалостно возопила къ пустыннику: «Праведниче божій! спаси меня; я сбилась съ дороги, не знаю теперь, куда идти; не отдай меня на растерзаніе звѣрямъ». Пустынникъ долженъ былъ дать ей у себя пристанище. Передняя пещера была предоставлена ей въ ночлегъ, а внутренняя осталась для хозяина. Ангелъ сатанинъ началъ тревожить мысли возненавидѣвшаго міръ. Пустынникъ на самомъ разсвѣтѣ хотѣлъ бѣжать отъ соблазнительнаго предмета, но вдругъ увидѣлъ пришлицу въ го-

родскомъ парядѣ и пришелъ въ оцѣпененіе. Коварная, пользуясь его недоумѣніемъ, начала истощать всякое краснорѣчіе, чтобы соблазнить невиннаго. Чувствующій вождѣніе и вмѣстѣ преступленіе, вышелъ изъ пещеры, набралъ хворосту и въ глазахъ соблазнительницы зажегши оный, сталъ на огонь, весь опалился и самъ себѣ сказалъ: «Что, Мартиніанъ? лучше ли пріять огонь вѣчный, или сіе временное мученіе?» Хранитель невинности едва могъ выскочить изъ огня и палъ отъ слабости.

«Побѣжденная и посрамленная, сбросила съ себя цвѣтное одѣяніе въ тотъ же огонь, надѣла на себя прежнее рубище, пала къ ногамъ страдальца, молила его о прощеніи и поклялась передъ нимъ очистить себя отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ цѣломудренною жизнію. Преподобный Мартиніанъ оставилъ по себѣ примѣръ цѣломудрія».

Ужь ддя давно кончилъ; ужь пообѣдали вмѣстѣ; старикъ, сѣвши въ бѣговыя дрожки, поѣхалъ въ Троицкое играть съ «графиней» въ шахматы, какъ будто вся его обязанность заключалась въ томъ, чтобы знать о Мартиніанѣ, а не въ томъ, чтобы подражать ему — а молодой Рудневъ одинъ на крыльцѣ.

— Ахъ! Мартиніанъ! Мартиніанъ! Какъ ты правъ! Какъ пріятно одиночество. Пусть это чувствовалъ смуглый аскетъ въ азіатскихъ сухихъ скалахъ и подъ пальмой; но развѣ оттого, что на мнѣ нѣтъ хламиды и что живу я на влажныхъ берегахъ Пьяны, я не пойму его? Дядя-чудакъ больше моего обо всѣхъ этихъ отшельникахъ знаетъ, и не стыдится по цѣлымъ часамъ смотрѣть, какъ крестьяне для его пропитанія хлѣбъ молотятъ, или въ анбаръ ссыпаютъ; велитъ стулъ себѣ передъ гумно принести, кисеть, табаку, связку баранокъ, а вечеромъ, послѣ «Памятника Вѣры», къ «графинѣ» въ шахматы или карты, по три раза въ недѣлю, не боится ѣздить!... Нѣтъ, я бы на этомъ не помирился! О, тишина, святая тишина! Ты научишь меня, что дѣлать!

Но дядя ѣхалъ не просто играть въ шахматы въ Троицкое: онъ ѣхалъ жаловаться на застѣнчивость своего пріемыша и друга.

Давно уже мечталъ Владиміръ Алексѣевичъ о томъ, чтобы имѣннице, которое онъ взлелѣялъ вставаньемъ до свѣта, мелкой придирчивостью къ людямъ, копеечными оборотами и кое-какими побочными доходами въ то время, какъ былъ непремѣннымъ членомъ въ сосѣднемъ городѣ — чтобы это имѣннице